

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Женевский университет
Петербургский институт иудаики
Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
Хельсинский университет

при поддержке

Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева
Издательства «Вита Нова»

ОЗЕРНАЯ ШКОЛА

Труды пятой
Международной летней школы
на Карельском перешейке
по русской литературе

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2009

**Роман А. Ф. Писемского «Тысяча душ»
и поэзия А. Н. Майкова**

Проблема «роман А. Ф. Писемского “Тысяча душ” и русская поэзия второй половины 1850-х годов» представляет значительный интерес, однако пока не ставилась в научной литературе. Структура романа достаточно сложна и сочетает бесстрастное, безоценочное повествование с лирическими отступлениями. Эти отступления отличаются повышенной литературностью; повествователь в них часто цитирует различных авторов, в первую очередь, Пушкина. Но помимо прямого цитирования в тексте отступлений присутствуют и некоторые менее очевидные параллели: так, качестве актуального для «Тысячи душ» литературного контекста можно рассматривать гражданскую лирику тех лет. В русской поэзии второй половины 1850-х гг. наиболее известны касающиеся актуальных тем современности стихотворения таких авторов, как М. П. Розенгейм и В. Г. Бенедиктов, однако значительно больший интерес представляют отражение в романе поэзии А. Н. Майкова.

Во второй половине 1850-х гг. Майков публикует несколько стихотворений, вошедших впоследствии в цикл «Житейские думы» и по преимуществу посвященных общественным проблемам. В стихотворениях цикла сочетаются традиционные мотивы возрождения России¹ и критика стремления современных людей к материальным благам. Сами по себе, эти темы типичны для поэзии тех времен, однако у Майкова, что необычно, «приземленность» современных людей трактуется как результат воздействия «демона века» (М., 112), т. е. духа времени. Тем самым, в его произведениях современность изображается противоречиво: и как эпоха преобразования и возрождения России, и как время всеобщего меркантилизма.

Некоторые из стихотворений цикла появились уже после публикации романа Писемского, но знакомство писателя с ними до их появления в печати весьма и весьма вероятно. Писемский был хорошо знаком с Майковым и очень высоко ценил его поэзию. Большую часть своего романа автор «Тысячи душ» создавал в Петербурге, где жил поэт. Таким образом, очень вероятно, что Писемский знал стихи Майкова до их публикации.

Прямых цитат из цикла «Житейские думы» у Писемского нет, а имеющиеся переключки между вошедшими в него стихами и романом малозаметны, но все же они достаточно существенны и вряд ли могут быть случайным совпадением. Так, осуждение светского бала весьма схоже в стихотворении «После бала» (1850; опубл. 1858) и в отступлениях в романе Писемского. На уровне тематики стихотворение Майкова посвящено обличению бала как места заключения циничных сделок:

Вы сами бьетесь в ералаш,
Чинопоклонствуете, лжете,
Торгуете и продаете —
И это праздник званный ваш! (М., 107)

В «Тысяче душ» желание «торговать и продавать» также основное на балу: «Надобно решительно иметь детское простодушие одного моего знакомого прапорщика, который даже в пище вкусу не знает; надобно именно владеть его головой, чтоб поверить баронессе, когда она мило уверяет вас, что дает этот бал для удовольствия общества, а не для того, чтоб позатянуть поступившее на нее маленькое взыскание, тысяч в тридцать серебром, о чем она и будет тут же, под волшебные звуки оркестра Лядова, говорить с особами, от которых зависит дело»².

Сатирическое изображение бала как торгашеского сговора относится к общим местам поэзии второй половины 1850-х гг., а не характерно именно для Майкова³, однако стихотворение Майкова и отступление из романа Писемского содержат множество переключек на уровне отдельных мотивов. У Писемского идеальным балом предстает бал пушкинских времен: «Еще Пушкин писал: “Люблю я бешеную младость, и тесноту, и шум, и радость, и дам изысканный наряд!”» (П., 347). С этой характеристикой можно сравнить описание Майкова:

Цветов мне надобно, цветов,
Веселых лиц, веселых песен,
Горячих споров, острых слов,
Где б был огонь и вдохновенье,
И беспорядок, и движенье,
Где б походило все на бред,
Где б каждый был хоть миг — поэт! (М., 107)

Пушкин в стихотворении прямо не упомянут, но Писемскому было известно об интересе к Майкову к творчеству Пушкина, поэтому цитата из «Евгения Онегина» в «Тысяче душ» также может рассматриваться как намек на Майкова. Не менее существенно и совпадение

другого отступления со стихотворением «Мать и дочь», героиня которого характеризуется так:

Уж демон века ей шептал,
Что жизнь — не мука ради хлеба,
Что красота есть капитал!..
<...>
И перед нею на коленях
Толпа вельмож и богачей
В мольбах неистовых и пенях —
И сыплют золото пред ней! (М., 112)

Это вполне напоминает отступление об уездных барышнях в романе, где, между прочим, сказано: «Если автору случалось в нынешних барышнях замечать что-то вроде любви, то тут же открывалось, что чувство это было направлено именно на человека, с которым могла составиться приличная партия; и чем эта партия была приличнее, то есть выгоднее, тем более страсть увеличивалась. Почти положительно можно сказать, что прежние барышни страдали от любви; нынешние — оттого, что у папеньки денег мало. Прежде молодая девушка готова была бежать с бедным, но благородным Вольдемаром; нынче побегов нет уж больше, но зато автор с растерзанным сердцем видел десятки примеров, как семнадцатилетняя девушка употребляла все кокетство, чтоб поймать богатого старика. Прежде *заветный он* казался полубогом, а нынче *заветный он* — будущий генерал или владелец пятисот душ» (П., 17). В своем стихотворении Майков противопоставляет героиню ее родителям, которые

Умеют достохвально
Соединить в своем быту
И романтизм сентиментальный,
И старых нравов простоту. (М., 112)

Рассказчик романа в том же отступлении сообщает: «Мечтательности, чувствительности, которую некогда так хлопотал распространить добродушный Карамзин, — ничего этого и в помине нет: тщеславие и тщеславие, наружный блеск и внутренняя пустота заразили юные сердца» (П., 17). Описание родителей героини вполне соответствует как приведенной характеристике прошлого поколения, так и характеру родителей главной героини романа Писемского.

Одна из сюжетных коллизий романа Писемского тесно связана со стихотворением Майкова «Перед твоей душой пугливой...», где герой предстал перед наивной возлюбленной «титаном гордым», в котором «мир непрозорливый / Родства с богами не признал» (М., 108). Про-

тивопоставление провинциалки Настеньки Годневой и горожанина Калиновича, цинично бросающего возлюбленную во имя «комфорта» и жизненного преуспеяния, напоминает финал стихотворения Майкова:

Ему так новы чувств свобода
И свежесть чувств в твоих речах,
Как горожанину природа
В весенних красках и лучах. (М., 109)

Таким образом, некоторые переключки между циклом «Житейские думы» и романом Писемского несомненны, причем важно, что многие из них отсылают не только к произведениям Майкова, но и к множеству тематически и идеологически близких к ним текстов. Если обратиться к функции этих переключек, она, на первый взгляд, сводится к тому, что одна из центральных тем романа — критика типичного для нынешнего века стремления к материальному комфорту — во многом связана с поэзией Майкова. Важно и использование композиционной формы лирических отступлений, где рассказчик прямо, от своего лица, дает оценки происходящему, что близко к лирическому стихотворению. Эта концепция подкрепляется и известным письмом Писемского к Майкову от 1 октября 1854 г., в котором Писемский так определяет «основную мысль» своего романа: «Что бы про наш век не говорили, какие бы в нем не были частные проявления, главное и отличительное его направление практическое: составить себе карьеру, устроить себя покомфортабельнее, обеспечить [св] будущность свою и потомства своего — вот божки, которым поклоняются герои нашего времени — все это даже очень недурно, если ты хочешь: стремление к карьере производит полезное трудолюбие, из частного комфорта слагается общий Комфорт и так далее, но дело в том, что человеку идущему, не оглядываясь и не обертываясь никуда, по этому пути, приходится убивать в себе самые благородные, самые справедливые требования сердца, а потом, когда цель достигается, то всегда почти [человек] он видит, что стремился к Пустыкам, видит, что по всей прошедшей жизни подлец и подлец черт знает для чего!»⁴.

Однако ситуация в романе более сложна. В своих письмах к Майкову Писемский не только высоко отзывался о стихах адресата, но и отмечал в них некоторые недостатки, давая совет избегать вторичности: «...и у Пушкина не заимствуй целиком фраз»⁵. Стихотворение Майкова «Перед твоей душой пугливой...», о котором говорилось выше, отличается обилием цитат: можно отметить, помимо очевидной отсылки к Тютчеву⁶, также параллель с Пушкиным: строки «Но

тщетно трепетные руки зажать уста его хотят!» (М., 109) явно переключаются со строками «Мои хладующие руки тебя старались удержать»⁷. Критик Зыков, один из героев романа, прямо цитирует это место из Пушкина, причем противопоставляет его как исполненное подлинного вдохновения рассудочной повести главного героя (П., 247). Можно воспринять это место как ироничный намек на подражательность Майкова. Однако наличие такого намека остается предположением.

Бесспорно то, что «лирические» места из романа не вполне согласуются с его сюжетом. Так, в одном из этих мест рассказчик сообщает, что главный герой романа — «дитя века», а для детей века «слава... любовь... мировые идеи... бессмертие — ничто пред комфортом» (П., 135—136). Однако такая характеристика неверна: главный герой романа, достигнув богатства и положения в обществе, не пользуется комфортом, а посвящает всю свою жизнь общественному служению, причем подчеркивается его аскетизм. Характеристика нынешних уездных барышень никак не относится к главной героине романа Настеньке Годневой, человеку совершенно идеалистическому и не соответствующему «практическому» духу современности.

Таким образом, осуждение «нынешнего века» как исполненного материалистических убеждений — далеко не исчерпывающая характеристика содержания романа. Общественная деятельность главного героя на посту вице-губернатора оценивается далеко не только «по Майкову», но она предстает характерным выражением важнейших черт времени: «Калинович мог действительно быть назван представителем той молодой администрации, которая в его время заметно уже начинала пробиваться сквозь толстую кору подъяческих плутней. Молодой вице-губернатор, еще на университетских скамейках, по устройству собственного сердца своего, чувствовал всегда большую симпатию к проведению бесстрастной идеи государства, с возможным отпором всех домогательств сословных и частных» (П., 389). Подобное восприятие героя само по себе исключает однозначно отрицательную оценку, которая задается аллюзиями на гражданскую лирику Майкова. В образе Калиновича, таким образом, сочетаются те черты, которые в поэзии Майкова являются определяющими для современной эпохи: с одной стороны, ему присущи «практические» стремления, с другой стороны, главный герой представляет новые общественные силы, обновляющие страну. Синтез этих, казалось бы, противоречащих друг другу черт и представляет собою личность Калиновича.

Примечания

- ¹ Например, «...мы из жизненного мрака, / Страхнувши прах вседневной суеты, / Вступаем в царство света...» (*Майков А. Н. Избранные произведения*. Л., 1977 («Б-ка поэта». Большая сер.). С. 109. Далее все ссылки на это издание даются в тексте с литерой М. с указанием страницы в скобках). Прочитанное стихотворение было написано в 1852 г., но, включенное в состав цикла и опубликованное в 1858 г., неизбежно ассоциировалось с темой реформ, воспринимаемых как преобразование России. Ср., например, мотивы преобразования у М. П. Розенгейма: «И, вольная от пут случайно рожденных, / Воскреснет, оживет родная сторона!» (*Розенгейм М. П. Стихотворения*. СПб., 1858. С. 85). Произведения, вошедшие в цикл «Житейские думы», тематически близки к массовой поэзии второй половины 1850-х гг. Можно привести в пример также сходство стихотворений Майкова «Филантропы» и Н. Ф. Павлова «Благотворитель» (*Русский вестник*. 1856. Т. 3. Май. С. 142).
- ² *Писемский А. Ф.* Тысяча душ // Собр. соч.: В 9 т. М., 1959. Т. 3. С. 347. Далее все ссылки на этот том даются в тексте с литерой П. с указанием страницы в скобках.
- ³ Ср., например, характеристику бала в стихотворении В. Г. Бенедиктова «Посещение»: «Всюду сплетни, ковы, пути, / Лепет женской клеветы, / Платья ж пышно, пышно вздуты / Полнотою пустоты. // Ложь — в глазах, в рукопожатьях; / Ложь — и шепотом, и вслух! / Там — ломбардный запах в платьях, / В бриллиантах тот же дух. // В том углу долгами пахнет, / В этом — взятками несет; / Там карман, тут совесть чахнет; / Всех змей роскоши сосет» (*Бенедиктов В. Г. Соч.* СПб.; М., 1902. Т. 2. С. 62).
- ⁴ См.: *Писемский А. Ф.* Письма. М.; Л., 1936. С. 77–78.
- ⁵ Там же. С. 69.
- ⁶ Ср.: «И, как обманутая Геба, / Ты от Зевесова стола, / Скорбя, ему, как сыну неба, / Зевесов нектар подала...» (М., 108) и «Ты скажешь: ветренная Геба, / ормя Зевесова орла, / Громокипящий кубок с неба, / Смеясь, на землю пролила» (*Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений*. Л., 1957 (Б-ка поэта. Большая сер.) С. 90).
- ⁷ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. М.; Л., 1948. С. 257.